

Ся Юйцюэ обладал большой дальновидностью.

Мастер боевых искусств, которого он вызвал заранее, оттащил Ся Юйцзиня назад как раз в тот момент, когда ему удалось взобраться на стену, запечатал несколько ключевых акупунктурных точек на его теле, чтобы он не мог ни говорить, ни двигаться, и контролировал его движения, чтобы избежать еще одной катастрофы.

В назначенный час заиграли барабаны, и свадебный паланкин плавно въехал в зал на глазах у толпы.

Е Чжао вошла степенным шагом, совершенно прямая, ее грудь не двигалась даже при дыхании. Выражение ее лица было неразлично под огненно-красной вуалью. За исключением бесценного рубина на поясе, ни одно украшение не украшало ее свадебный наряд. Она прислушалась к разговорам вокруг себя и медленно направилась к свадебному залу, ее движения были естественными и уверенными, величественными и властными.

Ся Юйцзинь был оттеснен двумя мускулистыми мужчинами. Он был стройным, и хотя в Великой Цинь он считался высоким, он был всего на полпальца выше Е Чжао. Но уродливое выражение его лица и скованность движений создавали сильный контраст между ними, когда они стояли вместе, и он стал напоминать девушку, вынужденную выйти замуж за тирана.

Брак, назначенный императорским домом, в некотором смысле тоже был вынужденным.

Особенно когда его заставили жениться на этом Ожившем Повелителе Ада, к которому никто не осмеливался прикоснуться.

Все мужчины, у которых есть совесть, проливали слезы сочувствия по отношению к Ся Юйцзиню.

Император отправил кого-то присутствовать на свадьбе и раздать подарки в качестве утешения для принца Наньпина и для того, чтобы обе стороны могли сохранить лицо.

Вдовствующая супруга Ань плакала почти на протяжении всей свадьбы. Любому, кто не знал ее лучше, могло показаться, что она не столько женит своего сына, сколько хоронит его. Пожилой отец гуна-протектора был очень весел, говоря молодоженам: «Вы должны поскорее родить сына и расширить семью. Как только у вас родится сын, он пойдет и, черт возьми, разорвет всех на поле боя!» Он казался трезвомыслящим, когда говорил это, но его взгляд, как ни странно, не отрывался от живота Ся Юйцзиня.

Таким образом, занавес опустился над самой... неопикуемой свадьбой в истории.

Как только точка невозврата была пройдена и молодожены были отправлены в комнату для новобрачных, боец, охранявший Ся Юйцзиня, наконец-то открыл его акупунктурные точки,

почтительно удалился и поскорее отправился получать свою плату.

Ся Юйцзинь расслабил затекшие конечности и посмотрел на свою так называемую невесту, сидевшую перед ним. Хотя она была сдержанна, когда сидела, немного мягче, чем когда маршировала и сражалась, она все равно держалась смело и решительно. Она была беспечна, как тигр в состоянии покоя, абсолютно не женственна, и ритм, в который она барабанила пальцем по спинке кровати, свидетельствовал о ее нетерпении к этому фарсу.

Невеста? Это был мужчина!

Настоящий же хозяин, напротив, был так же подавлен, как мужчина, входящий в семью своей жены!

Гнев Ся Юйцзиня рос по мере того, чем больше он думал об этом, и, несмотря ни на что, он яростно сказал ей: «Ты моя жена, и точка. Не жди, что будешь диктовать мне, что делать!»

Е Чжао лишь равнодушно ответила: «Хорошо».

У нее был низкий голос. На войне ей часто приходилось выкрикивать приказы, что повреждало ее голосовые связки до тех пор, пока ее голос не стал немного хриплым и грубым. Это было совсем не похоже на мягкие интонации диалекта у, столь высоко ценимые в столице, а на холодные и повелительные, как будто она не обращала внимания на надсадный лай мужчины перед ней.

Ся Юйцзинь был тем, кто игнорировал людей всю свою жизнь. Когда это его когда-нибудь игнорировали? Он не мог описать то чувство, которое это у него вызвало.

Е Чжао долго ждала, так и не дождавшись, пока он заговорит. «Ты закончил?» - спросила она.

Ся Юйцзинь усмехнулся и выбежал, хлопнув за собой дверь. Под всеобщими удивленными взглядами он набрал пригоршню снега и потер им лицо, быстро успокаивая свой пылающий разум пронизывающим холодом. Он не был глуп: он очень хорошо знал, что его титул принца Наньпин не давал ему реальной власти и что император использовал его как пешку, чтобы подчинить себе великого полководца. Развод был невозможен. Единственным выходом было вызвать у Е Чжао отвращение и жестокость по отношению к нему, чтобы она сама предложила развестись.

Так как же он заставит свою жену возненавидеть его?

У его друзей-негодяев был богатый опыт, на котором можно было учиться.

Самым эффективным трюком было отправиться к наложнице в первую брачную ночь, совершенно не уважая невесту!

Ся Юйцзинь, всегда дерзкий, сделал то, что нужно было сделать. Он немедленно бросился во двор Цинсинь, где жили его наложницы. Без указаний генерала стражники у входа в покои новобрачных не посмели остановить его, а остальные слуги тихо отправились жаловаться вдовствующей супруге Ань, принцу Анью, и его жене. Вдовствующая супруга Ань нежно любила своего сына и ненавидела свою невестку, поэтому она полностью проигнорировала проблему. Ся Юйцюэ давно отказался от своего постыдного младшего брата и просто жил в надежде, что его невестка-генерал использует свою силу, чтобы заставить его жестоко страдать, поэтому ему было все равно.

Ся Юйцзинь спокойно добрался до дверей наложницы Ян.

Наложница Ян долго смотрела на него в замешательстве, прежде чем поприветствовать.

- Это мой господин? Пожалуйста, извините мои больные старые глаза, но мы не видели друг друга по ночам больше полугода, и сейчас кромешная тьма. Какое-то мгновение я не могла тебя узнать.

Эти слова были полны негодования.

Ся Юйцзинь, смутившись, погладил себя по носу. Он вспомнил, что всё это время валял дурака вдали от дома, не особенно заботясь о женщинах дома. Иногда, из-за ворчания матери, он проводил две ночи дома. Он очень редко проводил ночь у довольно симпатичной наложницы Ян, и идти к ней сейчас было неудобно. Не выдержав этого, он слегка рассмеялся и отвернулся, решив пойти навестить Мэйнян.

Мэйнян побледнела от страха, когда увидела, что он приближается, вспомнив о булаве с волчьими зубами, о которой расспрашивали служанки.

- Здоровье этой наложницы сегодня не в порядке, - решительно сказала она. - Я не могу прислуживать в постели.

Ся Юйцзинь нетерпеливо отмахнулся от этого.

- Твой господин не возражает.

Мэйнян, нанизывая свои слова, как жемчужины на нитку, выпалила:

- Эта наложница также страдает от обычной простуды, болей в животе, глазной инфекции, слабости в конечностях, острой боли в груди, и в последнее время я не могу спокойно спать, и я разговариваю во сне, я бью и кусаю людей... Действительно... Я действительно не могу. Идите и найдите Сюань'эр.

- Постыдилась бы! Бросаешь камни на упавшего в колодец, мерзавка?! Ты была единственной,

кто говорил о любви к своим сестрам, а теперь причиняешь мне такую боль! - Сюань'эр жила по соседству. При звуке их голосов она выбежала на улицу, не причесавшись, указывая на Мэйнян и проклиная ее. Затем она с глухим звуком упала на колени перед Ся Юйцзином, с лицом, полным слез и соплей, и низко поклонилась. Стук ее головы был достаточно громким, чтобы потрясти небеса. - Пощадите меня, ваше высочество! Принимая во внимание мою постоянную привязанность и заботу с детства, позвольте мне жить! Пожалуйста, позволь вашей служанке посвятить себя Будде до конца своей жизни...» [1]

[1] букв. 青青qīng dēng gǔ fú, «зеленоватое пламя масляной лампы и старая статуя Будды» - описывает образ жизни буддийской монахини.

Вот эти две красивые женщины: одна притворялась безумной, другая, обратившись уродливым монстром, рыдала, и обе заставляли его, их привлекательного и элегантного господина, выглядеть так, будто он заставляет порядочных девушек заниматься проституцией.

Когда он оглянулся через плечо, то заметил служанку, более красивую, чем его жена, но она немедленно отступила на десять футов. Когда он взглянул снова, другая служанка, не такая хорошенькая, тоже отступила на три фута, а умные слуги-мужчины тихо опустили головы, прячась в тени.

Ся Юйцзинь был невыразимо несчастен. Не было никакого смысла прекрасно знать, что его заставляют прыгнуть головой вперед в огонь. Он колебался снова и снова; наконец, отчаявшись, он побежал в свой кабинет спать. Поскольку все боялись знаменитой свирепости генерала, никто не осмеливался прислуживать ему, поэтому чай остыл, а одеяла не было. Он свернулся калачиком и несколько раз сильно чихнул.

На другом конце дома, когда Е Чжао узнала об этом, она сняла свои свадебные одежды и бросила их в угол комнаты для новобрачных. Она повернулась, чтобы посмотреть на себя в полированное серебряное зеркало. В тусклом свете красных свечей она увидела свои тонкие губы, плотно сжатые вместе, и высоко изогнутые брови-мечи. Даже в праздничной атмосфере ее красивые глаза ярко-синего цвета не могли скрыть ее свирепого бойцовского темперамента.

Она медленно встала и тихим голосом отдала свои распоряжения стражникам за пределами комнаты: «Идите спать, вам не нужно ждать».

- Но как же принц?

- Генерал, он слишком презренный!

Два похожих голоса заговорили одновременно. Говорившие были сестрами-близнецами с густыми, сильными бровями и большими глазами, слегка смуглой кожей и элегантной осанкой. Они обе были одеты в военную форму, с ятаганами на поясе, и из-за подпитываемого гневом свирепого выражения на их лицах казалось, что они готовы разрубить людей на куски в мгновение ока.

Старшую звали Цю Хуа, младшую - Цю Шуй. Они были дочерьми бывшего главаря бандитов в горах Цилун, Цю Лаоху, и выросли с оружием в обеих руках. Но за четыре года до этого Мань Цзинь убил и сжег всё на своем пути в горы Цилун, не останавливаясь ни перед каким злом. Поскольку Цю Лаоху отказался присоединиться к его пакостным делам, он принял на себя основной удар нападения Мань Цзиня, но Е Чжао пришел на помощь. Тронутый ее рыцарством, он вступил в ее ряды и с тех пор служил офицером под ее командованием. Цю Хуа и Цю Шуй проходили боевую подготовку с детства. Они преклонялись перед мастерством Е Чжао, добровольно заняли пост ее личной охраны и лично ухаживали за ней; они были одними из немногих, кто знал, что она женщина.

Теперь их уважаемый генерал был оскорблен в ее собственную брачную ночь, но сестры чувствовали унижение сильнее, чем она. Их разбойничья привычка немедленно проявилась; они выхватили свои ятаганы и повернулись, чтобы уйти.

Е Чжао немедленно приказала им остановиться.

- Куда вы направляетесь?

- Чтобы проучить этого ублюдка, который не знает, что для него хорошо! - ответила Цю Хуа, сгорая от ярости. - Ударить его один раз кнутом и приставить клинок к его шее. Я заставлю его несколько раз поклониться вам и брошу его на вашу кровать! Посмотрим, что он предпочтет - смерть или вашу постель! Этот ублюдок. Пока еще нет никого, кто мог бы проявить неуважение к нашему генералу!

- Нелепо! Вот мы и здесь, у ног императора, и единственное, что ты умеешь делать, - это сражаться! Поторопись и обуздай свой безрассудный нрав. Не приставай к генералу со своими глупостями! - Цю Шуй поспешно обуздавала вспыльчивость своей сестры и усмехнулась. - У меня есть пакетик с порошком-афродизиак. Я добавлю немного в чай принцу и пришлю его сюда. Гарантированно сработает.

Цю Хуа кивнула.

- Очень проникательно. А если он не будет пить, я волью это ему в глотку.

- Хватит! - От их слов у Е Чжао разболелась голова. Она пресекла попытки этих двух бандиток похитить мужа и подошла к столу, чтобы самостоятельно налить и выпить две чашки чая. Поразмыслив, она сказала им: - Возьмите одеяло и отнесите его в кабинет. Что касается остального, пусть он поступает, как ему заблагорассудится.

- Генерал... - в голосах Цю Хуа и Цю Шуй сквозила жалость.

- Сделайте, как я прошу, - Е Чжао встряхнула рукавами, позволяя короткому, искусно сделанному кинжалу выскользнуть наружу, затем выудила из-за пояса несколько золотых стрел. Вдохнув, она сунула их под подушку и приготовилась ко сну. Она сорвала свою красную

вуаль и отбросила ее прочь.

Свечи с драконом и фениксом, символы удачи, погасли.

Несчастливая пара, созданная Небесами.

<http://tl.rulate.ru/book/6306/135135>